

ВЕЛИКИЙ КАНТОР ГЕРШОН СИРОТА - ЕВРЕЙСКИЙ КАРУЗО И ЖЕРТВА ХОЛОКОСТА

Александр Юфа

На основе доступного фактического материала описан жизненный и творческий путь великого кантора Гершона Сироты, погибшего вместе с семьёй во время восстания в варшавском гетто. Большая часть сведений данной статьи до сих пор не была опубликована на русском языке.

Введение

Данная статья базируется на двух англоязычных публикациях: буклете к компактному диску Гершона Сироты [1] и главах 49–57 книги Самуила Выгоды о легендарных канторах [2], посвящённых Сироте (с. 509–610). Дополнительные источники включают: интервью с известным юристом, профессором Гарвардского университета Аланом Дершовицем [3], биографический очерк музыкального центра еврейского университета в Иерусалиме [4], свидетельство о смерти [5], а также немногочисленные фотографии.

Ранние годы

Гершон Сирота родился в 1874 году в местечке Гайсин Подольской губернии Российской империи (ныне это райцентр Винницкой области Украины) в семье местного кантора. Отец рано обнаружил вокальный дар сына и начал заниматься с ним. Молва о чудесном голосе шестнадцатилетнего юноши быстро донеслась до Одессы, куда Гершон поехал с отцом проведать дедушку. К счастью, отец Гершона вскоре получил пост кантора в небольшой одесской синагоге и перевёз семью в Одессу.

Хормейстер Шалашной синагоги Яковкин принял Гершона в хор, где он быстро стал солистом, а затем и ассистентом кантора. Барон Колбас – профессор и ректор Одесской консерватории – услышав юного Сироту, сразу же принял его в консерваторию и назначил стипендию. В то же время Гершону предложили пост первого кантора в синагоге Приказчиков в пригороде Одессы. Ему исполнилось 18 лет, и по традиции необходимо было жениться, что он и сделал, вступив в брак с дочерью своего босса – главного учредителя синагоги.

В консерватории Гершон изучал вокал, теорию музыки и гармонию, а также оперную музыку. Его отец беспокоился, что это может отдалить сына от синагоги и карьеры кантора. Эти опасения не были беспочвенными. В 1892 году барон Колбас и директор оперного театра Нарадеев предложили Сироте, который увлёкся творчеством Гайдна, принять участие в исполнении его оратории «Сотворение мира». Представление, в котором был задействован выдающийся бас Лев Сибиряков, имело грандиозный успех. В результате Сироте предложили продолжить учёбу в Венской консерватории.

В Вене Гершон был представлен барону Ансельму Ротшильду как молодой кантор из Одессы с «наиболее красивым голосом нашего времени». Прослушав Сироту, Ротшильд предложил ему своё покровительство, а также пост оберкантора Вены или солиста Венской оперы. Однако эти радужные перспективы были разбиты телеграммой из Одессы о смертельной болезни отца.

Сирота вернулся в Одессу, но не задержался в ней надолго. В Одессе он был ещё слишком молод и неопытен. С другой стороны, могучему голосу Гершона было явно тесно в скромном помещении маленькой синагоги, что сковывало творческое развитие молодого кантора: ему необходимо было большое помещение с хорошей акустикой и обширной аудиторией.

Следует особо отметить важный эпизод одесской жизни Гершона: встречу с «дедушкой еврейской литературы» Менделе Мойхер Сфоримом, который помог ему освободиться от воинской службы на благо «царя-батюшки». Сирота однажды выступил бесплатно на приеме у Менделе, и Мойхер Сфорим не забыл это. Он помог Гершону по собственной инициативе и анонимно. Сирота узнал об этом случайно через несколько лет на банкете в честь Менделе.

А произошло следующее: Менделе написал письмо своему богатому и влиятельному другу Абраму Гринбергу с просьбой помочь освободить Сироту от воинской службы. Гринберг был хорошо знаком с главным врачом полка, где служил Сирота. Слово Гринберга принесло результаты. Доктор был большим любителем музыки, и когда он узнал, что среди солдат его полка находится выдающийся певец, то он пригласил Гершона к себе домой на празднование Рождества. Пение Сироты стало украшением праздника.

Через несколько дней Гершон заболел и попал в госпиталь. Вскоре главный врач послал его домой с официальным документом, освобождающим Сироту от службы по состоянию здоровья. Благодаря влиянию Гринберга и красоте своего голоса Гершон избавился от царской службы, но доктору эта помощь обошлась дорого. Один из осведомителей донёс командующему армейским корпусом Одессы о сомнительном освобождении молодого воина от службы. В результате расследования доктор был уволен с работы.

Оберкантор синагоги в Вильно

В 1896 году, в 22 года, Гершон Сирота был вызван на конкурс по замещению престижного поста оберкантора большой синагоги в Вильно. Как писал кантор Выгода в своей книге [2], «...В Одессе он был обещанием, а в Вильно он стал исполнением обещания». В помещении этой синагоги величественный голос Гершона зазвучал во всей своей волшебной красоте. Именно в Вильно он стал кантором с мировым именем. Однако получение этого поста в «литовском Иерусалиме» (как называли тогда Вильно) не далось легко для Сироты.

Президент синагоги ребе Муня Солц был аристократическим диктатором, правившим еврейской общиной Вильно железной рукой. Предыдущий кантор Каган, имевший пожизненный контракт, был изгнан за то, что во время службы Судного Дня положил в рот конфетку. Каган был весьма представительным импозантным мужчиной, на которого люди оглядывались на улице.

А тут вдруг к Муне Солцу приводят худощавого весьма молодого человека с едва пробивающимися усиками и бородкой (Гершон выглядел моложе своих лет)! Муня издевательски попросил Сироту узнать расписание обратных поездов на Одессу.

Гершон спокойно парировал это, предложив послушать его субботнюю службу без всяких встречных обязательств. Муня спросил у Сироты, не смущает ли его отсутствие хора в синагоге в данный момент. Гершон ответил, что в таком случае ему поможет Бог. И проба прошла блестяще! Слушатели были восхищены не только удивительным по силе и красоте драматическим тенором молодого кантора, но и проникновенной интерпретацией религиозного содержания молитв.

Сирота занимал пост оберкантора синагоги в Вильно в течение последующих 9 лет. Гершон немедленно занялся организацией хора, преодолев сопротивление Муни Солца. Его первым хормейстером был Исаак Шлосберг, сын известного кантора, написавший для Сироты знаменитый «Рэцэй». Но период расцвета творчества Сироты наступил только тогда, когда пост хормейстера занял Лео Лоев. Лоев создал замечательный хор в составе более 50 человек. Он долго и тщательно работал с каждым кандидатом, прежде чем допустить его к пению в синагоге.

Лео отважился на рискованный шаг: он предложил Гершону выступить с хором в концерте за пределами синагоги с религиозными произведениями и еврейскими народными

песнями. Это было по тем временам неслыханной дерзостью и вызвало резкий протест у руководства общины и ряда её членов. «Как они собираются исполнять священные молитвы для нееврейской аудитории в танцевальном зале?» Сирота и Лоев были предупреждены, что играют с огнём и рискуют потерять свои должности. Люди были готовы забросать их гнилыми яблоками и тухлыми яйцами. Но ничего подобного не случилось: концерт в самом большом в Вильно Барацком концертном зале имел оглушительный успех и получил восторженную прессу!

За этим событием последовала серия аналогичных концертов в соседних городах: Гродно, Белостоке, Минске и др. Репутация и слава Сироты росли с такой быстротой, что вскоре он был приглашён на благотворительный концерт для царицы Марии Фёдоровны в её любимом Институте для слепых. Еврейское гетто произвело звезду такой величины, которая удостоилась чести выступить перед матерью самого царя. Царица-мать подарила Гершону Сироте именные золотые часы! После этого он ежегодно пел для императора Николая II. В один из своих концертных визитов в Санкт-Петербург Сирота получил высочайшую оценку от солиста его Императорского Величества, ведущего тенора Мариинского театра Александра Михайловича Давыдова (Израиля Моисеевича Левинсона). Памятным событием для Сироты явилось его участие в приёме в честь отца сионизма Теодора Герцля, организованного еврейской общиной Вильно в 1903 году.

В 1902 году Сирота совершил ещё один замечательный прорыв - он стал первым в мире кантором, записавшим свой голос на грампластинки. Его грампластинная карьера продолжалась в течение 30 лет и насчитывает свыше 175 записей не только религиозных произведений, но и нескольких оперных арий, а также единственную песню на идиш. И здесь Гершону пришлось встретиться с резкой критикой. В этот раз в качестве главного оппонента выступил известный одесский кантор Пиня Минковский, который считал кощунством записывать канторское пение на пластинки для последующего воспроизведения их за пределами синагоги. В ответ Сирота заметил, что во время русско-японской войны его пластинки помогали еврейским солдатам на сопках Манчжурии переносить тяготы войны.

Голос Сироты был чудом природы с диапазоном более трёх октав, красотой и мощью. Это был несравненный высокий драматический тенор с баритональной серединой, звучавшей, как виолончель. В дополнение к этому, все регистры его голоса были удивительно ровными. Лео Лоев называл голос Гершона «голосом без начала и конца». Он мог без усилий взять верхнее «ми» и даже «фа» второй октавы спросонья, лёжа горизонтально в кровати! Сирота обладал натуральной колоратурой, изумительными трелями и пел в стиле бельканто.

Годы, проведенные в Вильно, были наиболее счастливыми в жизни Гершона Сироты. Он пользовался любовью и почётом еврейской общины, получил пожизненный контракт и мировое признание. Даже Муня Солц, который вначале держал дистанцию, стал близким другом Гершона. Однажды во время празднования Пурима Солц преподнёс Сироте в подарок выплаченную страховку жизни стоимостью в 15 тыс. рублей. Но когда Муня Солц умер, отношения Гершона с новым руководством синагоги не сложились. Стало ясно, что он должен изменить обстановку.

Оберкантор Тломацкой синагоги в Варшаве

В 1905 году Сирота, которому исполнился 31 год, был приглашён на конкурс по замещению должности оберкантора крупнейшей в мире варшавской синагоги, которая находилась по улице Тломацкой, 13. Среди прихожан этой синагоги была элита (около 400 человек), состоявшая из аристократов, миллионеров, банкиров, владельцев земель, сталелитейных заводов, нефтяных компаний, угольных и медных шахт, крупных сетей магазинов. Синагога была цитаделью ассимиляции под лозунгом: «Мы евреи этого

отечества». Эти магнаты не появлялись в синагоге в течение года за исключением высоких праздников (Рошашана и Йом-Кипур). Они никогда не имели выдающегося кантора и не стремились к этому не потому, что не могли позволить себе такую роскошь, а потому, что хотели «модерную» религиозную службу без артистического канторского пения.

Однако большинство прихожан, регулярно посещавших синагогу, не разделяли мнения богачей. Им нравилась служба с настоящим канторским пением, по которому они соскучились. В течение нескольких декад им надоели заунывные и однообразные выступления кантора Грицхандлера, из года в год монотонным бас-баритоном повторявшего те же несложные мелодии. Когда Грицхандлер ушёл на пенсию по старости, настало время найти кантора, соответствовавшего высокому статусу этой синагоги.

Опять, приглашение для Сироты пришло легко, но назначение не обошлось без внутренней борьбы. Предыдущие 20 кандидатов были отвергнуты, а рассмотрение кандидатуры Гершона началось с прослушивания его грампластинок. Великолепный голос Сироты поразил президента синагоги Яна Берсона. Но тут же кто-то из «доброжелателей» подсказал, что Сирота – «литвак» (так польское высшее сословие презрительно называло литовцев, считая их низшим классом). Настроение Берсона моментально изменилось: чудесный голос, прозвучавший с пластинки, был забыт. Правящая клика синагоги попыталась наложить вето на выбор молодого кантора с сенсационным голосом, припомнив, что Гершон пел в концертах для нееврейской аудитории и записывал свой голос на грампластины, звучавшие за пределами синагоги.

Однако подавляющее большинство прихожан настояло на приглашении оберкантора из Вильно на прослушивание. Он пришёл, увидел и победил. Проба, которую Сирота дал за алтарём Гломацкой синагоги, не оставила никаких сомнений, и конкурсный комитет избрал его единогласно. Вступив на пост оберкантора, Гершон занялся реформаторством: его не устраивал прежний хор и хормейстер. К счастью, в 1908 году он добился принятия на пост хормейстера своего коллеги по Вильно Лео Лоева, занимавшего до этого аналогичный пост в реформистской синагоге Бухареста. Плодотворное сотрудничество было восстановлено, на этот раз, в Варшаве.

Во времена своего канторства в Гломацкой синагоге карьера Сироты достигла своего зенита. Он служил раз в месяц по субботам, а также по главным праздникам. В другие три субботы месяца службу проводили либо его ассистент Пинхас Шерман, либо приглашённые (в основном из Вильно) молодые канторы, получившие шанс проявить свои таланты. Тем не менее, Гершон занимался вокалом ежедневно, но не дома. Он приходил в синагогу (благо жил на её территории), убеждался, что в помещении никого нет, и начинал упражнять свой голос. Сирота считал, что алтарь синагоги заменил ему консерваторию.

Однако музыковед Изохор Фатер, с помощью одного из хормейстеров синагоги Давида Эйзенштадта, тайком проник на урок Гершона с целью найти его вокальные секреты. Можно себе представить удивление Сироты, когда вскоре он прочёл статью музыковеда, в поминутных деталях описывавшую вокальную практику оберкантора Варшавы!

В начале своей карьеры замечательный голос Гершона был практически единственным его достоянием. Но со временем он стал зрелым универсальным кантором, способным изумлять свою аудиторию импровизацией и глубокой интерпретацией молитв. Когда его злейший оппонент Пиня Минковский посетил праздничную службу Сироты в Варшаве, Гершон преднамеренно отказался от хорового сопровождения и с невероятным вдохновением спел своё соло и партию хора! Публика и Минковский были потрясены. Сирота пригласил Пиню к себе домой, где ещё раз безуспешно пытался убедить его в полезности записей голосов канторов на грампластины. В то же время Минковский выразил восхищение голосом и исполнительским мастерством Гершона.

Сирота завоевал всю Америку

Это было неизбежным: Америка должна была услышать Сироту. Пластинки и европейская слава предвосхитили его гастроли. Тысячи евреев, которые знали и слышали Гершона в Одессе, Вильно и Варшаве, эмигрировали в США. Идея гастролей принадлежала Лео Лоеву. Для Сироты он был не только хормейстером, но и другом, советником, импресарио и бизнес-агентом.

В конце 1911 году Лоев взял отпуск у руководства синагоги для посещения своих родственников в Нью-Джерси, которых он не видел много лет. При этом Лео скрыл главную цель поездки – заключение контракта на гастроли. Лоев договорился о встрече с представителями агентства Вильяма Морриса, принеся с собой образцы пластинок Сироты. Результат превзошёл все ожидания: Лео вернулся с контрактом на 25 концертов Гершона с хором Лоева в крупнейших городах Америки. В начале февраля 1912 года гастролёры прибыли в Нью-Йорк.

Первый концерт состоялся в Карнеги Холле 14 февраля. Публика встретила Сироту стоя 10-минутной овацией. Помимо исполнения известных канторских произведений, Гершон завершил концерт знаменитым романсом Радамеса из оперы Верди «Аида». Успех был ошеломляющим. Газета «Дэйли Форвард» писала: «Он пришёл, спел и победил». Заголовок «Нью-Йорк Американ Ревью» гласил: «Кантор Варшавы – соперник Карузо». Второй концерт в Нью-Йорке состоялся 18 февраля на Ипподроме совместно с сопрано Люсиль Рабинофф. Фрагмент Сироты, помимо дополнительных по сравнению с первым концертом канторских произведений, включал прекрасно исполненный романс Рауля из оперы Мейербера «Гугеноты».

За этим последовала серия триумфальных концертов в Бостоне, Шарлотте, Чикаго, Милуоки, Кливленде, Цинциннати, Питсбурге, Миннеаполисе и др. Три заключительных концерта прошли в Нью-Йорке: в Бруклинской Академии Музыки, на Ипподроме и, наконец, 13 марта снова в Карнеги Холле. Среди знаменитостей, пришедших послушать «еврейского Карузо», был сам Энрико Карузо, который с облегчением заметил: «О, если бы я имел такой голос! Слава Богу, что он использует свой божественный дар в другом жанре, и я не должен конкурировать с таким серьёзным соперником в опере».

Следующие американские гастроли Сироты состоялись в Нью-Йорке через 10 месяцев. Он впервые исполнил субботнюю службу с хором Якова Марголиса в театре Кесслера 24 января 1913 года (в этот раз Гершон приехал без Лео Лоева). Концерты были в основном литургическими и такими же успешными, как и в предыдущем году. Последний концерт состоялся 24 мая 1913 года.

Американский успех и слава Сироты мало значили для его общины в Тломацкой синагоге в Варшаве. У них был оберкантор, который стал регулярно отсутствовать. Недовольство и разочарование создали дилемму для кантора и его общины. Однако Первая Мировая Война удержала Сироту дома, и Тломацкая синагога имела своего оберкантора при себе.

После Первой Мировой Войны Польша в девятый раз в своей истории стала независимым государством. С подъёмом национализма в страну вернулась волна антисемитизма. Лео Лоев, многолетний музыкальный директор и главный хормейстер Тломацкой синагоги, решил эмигрировать в Америку. Он взял с собой новую звезду – молодого оберкантора синагоги Вильно - Мордухая Гершмана.

Следует отметить, что Сирота был первым выдающимся кантором, который записывался на грампластинки, давал концерты и пробудил интерес мировой (в том числе американской) публики к канторскому пению. В результате такие знаменитые канторы, как Розенблатт, Квартин и Гершман эмигрировали в США и заняли там лидирующие позиции. Заметим, что все они, как и Сирота, были родом с Украины: Йозеф (Йосселе) Розенблатт (1882–1933) родился в Белой Церкви, Зебулон (Зейвель) Квартин (1874–1953) - в

Новоархангельске (ныне – райцентр Кировоградской области), а Мордухай Гершман - (1988–1940) - в Чернигове.

В такой ситуации Сирота решил подключиться к этой волне лишь в качестве гастролёра. Он связался с концертным бюро братьев Йонас в Нью-Йорке и заключил контракт на серию концертов. В турне его сопровождали дочь Елена (сопрано) и сын Нафтали (аккомпаниатор и бизнес-агент). Елена и Нафтали были двумя из 8 детей Гершона Сироты, которые унаследовали музыкальные способности отца. Сирота хотел опять работать с Лео Лоевым, но тот был связан контрактом с Мордухаем Гершманом и Борисом Томашевским. Последний был директором Национального Еврейского Театра и категорически запретил Лоеву сотрудничать с Сиротой. Но Гершон не растерялся: он пригласил в качестве руководителя наспех собранного хора из почти 100 человек Мейера Махтенберга, который ещё мальчиком в 1912–1913 годах пел партию сопрано в хоре Лоева.

Первый концерт этих гастролей состоялся в Метрополитен-Опера 13 марта 1921 года (ровно через 9 лет после последнего триумфального концерта первых гастролей в Карнеги Холле). Зал был переполнен, среди знаменитостей присутствовали дирижёр Артуро Тосканини, сопрано Альма Глюк, баритон Йозеф Шварц и кантор Йосселе Розенблатт.

Выйдя на сцену, Сирота был встречен шквалом оглушительных аплодисментов. Но когда он начал петь, аудитория несколько охладела. Пение знаменитого гостя недотягивало до высокого уровня предыдущих выступлений и не соответствовало удивительному звучанию его грампластинок. В голосе не было присущей яркости, блеска и свободы. Некоторые с недоумением поднимали брови и пожимали плечами, сомневаясь, что перед ними настоящий Сирота. Розенблатт покинул зал, загадочно улыбаясь и почёсывая бородку. Публика почти была готова сделать вывод, что замечательный голос пропал. Но такой вывод оказался бы явно поспешным.

К восьмому номеру программы голос Гершона разогрелся, и вместо тяжёлого баритонального вернулся яркий и бархатный звук золотого драматического тенора. С этого момента Сирота полностью вернул контроль над своим замечательным инструментом, вызывая гром оваций. Талантливый юный альт Михаил Поляков спел несколько дуэтов с Гершоном. Дочь Елена спела несколько оперных арий, а также еврейских дуэтов с отцом, а Нафтали аккомпанировал на органе.

Исполнение светской классической музыки в этом концерте было целиком возложено на Елену. Сам Сирота не пытался исполнять оперные арии, как это было в 1912–1913 годах. Ему советовали не включать в программу песни на идиш, поскольку годом ранее их блестяще представил американской публике Мордухай Гершман. Но даже при таких ограничениях возвращение кантора из Варшавы стало триумфом. Последовали длительные концертные поездки по всей Америке. Гастроли затянулись на полгода, а ведь Сирота обещал руководству синагоги вернуться ещё на Пасху! И вот когда он уже собирался садиться на пароход, последовало предложение, от которого Гершон не смог отказаться: ему предложили 10 тыс. долларов за три дня службы на Новый Год и Судный День!

Когда после этого Сирота вернулся в Варшаву, его ждали большое недовольство общины и озлобление руководства синагоги. К счастью для него, слава и уникальный талант преодолели сопротивление оппозиции, и Гершон вернулся на свой пост. Однако со времени своего возвращения в Варшаву осенью 1921 года Сирота продолжал поддерживать связи с агентами и общинами за рубежом. В 1924 году Гершон получил предложение из Нью-Йорка, аналогичное последнему в 1921 году, от которого он не смог отказаться. Сирота принял это предложение под предлогом вызова в американский суд и опять пропустил главные праздники в Тломацкой синагоге.

Когда Гершон вернулся в Варшаву из Нью-Йорка после краткого, но критического отсутствия, он узнал, что уже уволен единогласным решением руководства синагоги. Борьба против этого решения продолжалась ещё два года. В это время Сирота свободно разъезжал с концертами за рубежом. К 1926 году руководство синагоги, после

провалившихся попыток найти достойную замену знаменитому кантору, капитулировало и вынуждено было отменить своё решение. 13 июня 1926 года Гершон Сирота был восстановлен в должности оберкантора Тломацкой синагоги.

Однако перемирие продолжалось всего один год, на что были дополнительные причины. Годы гастролирования за рубежом, особенно в угоду американской публике, изменили стиль канторского пения Сироты в сторону неоправданного (с точки зрения консервативной религиозной публики) увлечения вокальными украшениями и фиоритурами, не связанными с содержанием молитв. Прихожанам и руководству синагоги не понравился «новый Сирота». С другой стороны, Гершон был недоволен не только обрушившейся на него критикой, но и нежеланием руководства повысить его зарплату и обеспечить надёжную пенсию.

В результате в июле 1927 года Сирота подал заявление об уходе и под покровом ночи переехал из дома, принадлежавшего синагоге (где он с семьёй прожил 22 года!), в свой собственный. И опять отправился в Америку на службу Нового Года и Судного Дня, на этот раз в Гарлеме. По возвращении в Варшаву Гершон надеялся на повторение прошлого сценария с восстановлением его в должности. Но этому не суждено было случиться: двадцатилетнее (1905–1924, 1926–1927) сотрудничество с Тломацкой синагогой было закончено. На пост оберкантора был принят 28-летний Моше Кусевицкий, до этого, как и ранее сам Сирота, занимавший пост оберкантора синагоги в Вильно.

Трагический конец великого Сироты

До этих пор Сирота гастролировал в качестве именитого кантора из Варшавы. Теперь он лишился этого почётного титула. Гершон превратился в постоянно путешествующего кантора, бороздившего просторы Америки, выступавшего в Монреале, Буэнос-Айресе, Тель-Авиве и т.д. Сироте было более пятидесяти лет, пик его вокальной формы был позади. После 30 лет интенсивного пения его голос стал показывать признаки износа: пение стало более затруднительным, робастная «труба» и форте стали продолжающейся вокализацией. Но Гершон сохранил удивительную твёрдость и силу голоса.

К 1930 году Сирота устал от бесконечных поездок и захотел проводить больше времени с семьёй. Он принял предложение стать кантором в синагоге «Ножик» в Варшаве, где прослужил 5 лет. Конечно, статус этой синагоги был значительно ниже Тломацкой...

6 июня 1934 года состоялся гала-концерт в варшавском Колизее, посвященный 30-летию его творческой деятельности в польской столице. Выступали такие знаменитые канторы, как Давид Штейнберг из Вильно и Аарон Гельфанд из Лондона, а также оперные артисты. Сирота пел различные соло, дуэты с Еленой и трио с Еленой и кантором Штейнбергом в сопровождении 100-голосного хора под управлением Давидовича. Этот вечер был данью уважения к прославленному кантору.

В 1935 году Сирота выступал в Тель-Авиве вместе с хором теперь уже всемирно известного Лео Лоева. В 1936–1937 годах он пел в Буэнос-Айресе, а затем вернулся с выступлением в Симфоническом Зале Лодзи. В 1938 году Сирота провёл службу высоких праздников в Чикаго. Его последнее выступление в США состоялось на Суккот в Милуоки. В заключение визита он выступил в канадском Виннипеге.

Второй раз в жизни Сироты телеграмма приносит тяжкую новость, трагически повлиявшую на его судьбу, - жена серьёзно больна. Гершон вместе с сыном Нафтали немедленно возвратились в Варшаву и, как оказалось, навсегда. Его верные друзья предупреждали о немецкой угрозе и предлагали бежать из Варшавы во имя спасения своей жизни, но Сирота предпочёл остаться с больной женой, семьёй и своим народом.

Согласно рассказам немногих уцелевших свидетелей, последняя служба несравненного кантора состоялась в Судный День в ноябре 1941 года в стенах заброшенной фабрики на территории гетто, которая использовалась в качестве синагоги. Очевидцы,

которым посчастливилось слушать Гершона Сироту в Тломацкой и Ножик синагогах, утверждали, что никогда его голос не звучал так замечательно. Это была лебединая песнь великого кантора!

Знаменитый бостонский юрист, профессор Гарвардского университета Алан Дершовиц (кстати, успешно защитивший печально известного О. Джей Симпсона на первом процессе) в 2008 году дал интервью [3], в котором рассказал о своём намерении написать оперу о Гершоне Сироте. Сюжетом оперы будет являться как раз последнее выступление великого кантора в варшавском гетто.

Гершон Сирота вместе с семьёй погиб 19 апреля 1943 года от удушья в результате пожара в подвале дома по улице Волынская 6, при подавлении восстания в варшавском гетто. В 1961 году на его могиле на кладбище Геншера была установлена надгробная плита с надписями на идише и польском: «Здесь покоится всемирно знаменитый кантор Гершон Сирота, замученный гитлеровцами 19 апреля 1943 года. Честь его памяти».

Заключение

1. Данная статья является скромной первой попыткой более подробного описания жизни великого кантора Гершона Сироты на русском языке.
2. Жители украинского Гайсина (райцентра Винницкой области) должны знать, что помимо известного эстрадного певца Эмиля Горовца, у них был земляк с мировым именем – выдающийся кантор Гершон Сирота. Было бы неплохо рядом с мемориальной доской Эмиля Горовца на фасаде Дворца культуры установить мемориальную доску с именем Гершона Сироты.

Источники

1. SIMPOSIUM RECORDS CD 1147. The GREAT CANTORS – Volume II. Gershon Sirota (1874–1943): A Biographical Sketch by Bob Ziering. – 15 p.
2. Vigoda, Samuel (1981). Legendary Voices. Volume 1. New York, NY 10462. – 610 p.
3. <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=18117802>
4. <http://www.jewish-music.huji.ac.il/content/gershon-sirota>
5. Gershon Sirota Death Certificate (1973).

Фотографии Гершона Сироты

С хормейстером Лео Лоевым

С дочерью Еленой и сыном Нафтали

С женой

Надгробная плита